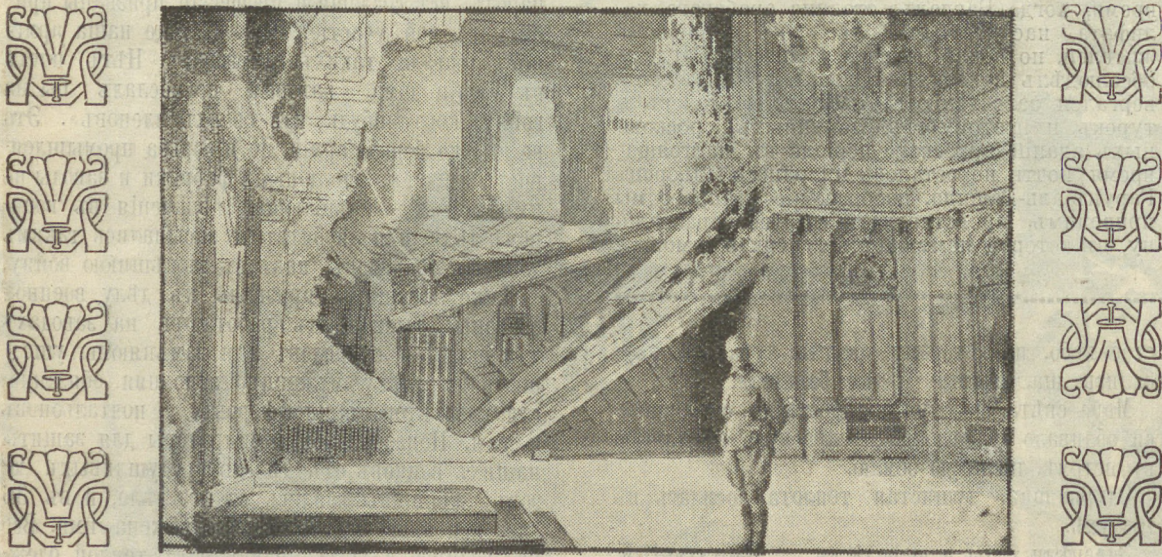

УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 20-го декабря 1915 г.

Къ событіямъ на Балканахъ. Въ Сербіи.

Трoйная зала въ бѣлградскомъ конакѣ, разрушенная при бомбардировкѣ.

Герoическая смерть двухъ докторовъ.

(Страничка изъ боевыхъ переживаній N-скаго лейбъ-гусарскаго полка).

Большими хлопьями падалъ влажный снѣгъ и засыпалъ собою группы лошадей и людей, осторожно приталившихся у склона небольшой горы.

Гора была обнаженная, вся шрытая ямами отъ недавно рвавшихся здѣсь нѣмецкихъ снарядовъ.

Дико нелѣпо торчала у подножія ея угрюбая какою-то чудомъ халупа.

Неизвѣстной породы дерево, разсѣченное и исковерканное съ разбрасанными вокругъ обломками, безмысленно жалко дрожало у выбитыхъ оконъ халупы.

Жалкая картина! Мертвая, какъ сама смерть, но такая обычная, родная въ эту чудовищную битву народовъ.

Было начало марта, но весеннее солнце не грѣло и не радовало уставшихъ, продрогшихъ людей.

Строе однотонное небо, по которому носились тяжелыя, свинцовыя тучи, хмурья, недовольныя и злыя, казалось потрепаннымъ саваномъ.

Пашло смертью.

Совсемъ близко, сейчасъ за горой, бѣшено воя, носилась и сама отвратительная смерть.

— Ш-и-и,—хлопали, шипѣли, жужжали винтовочныя пули.

— Тахъ, тахъ, тахъ,—раздѣльно мрачно стучалъ нѣмецкій пулеметь.

А навстрѣчу ему несся жутко веселый, быстрый, нервный хохотъ русскихъ пулеметовъ.

— Ха-ха-ха-ха,—истерично заливались они.

То нѣмецкія колонны наступали у Ц...

Артиллерійскій поединокъ давно кончился и послѣ грохота и шума стальныхъ чудовищъ, ружейные и пулеметные выстрѣлы казались какими слабыми, ничтожными, но и такими таинственно страшными, какъ то... будущее за гранью этой жизни.

— Началось!—все какъ одинъ перекрестились лейбъ-гусары и безъ всякаго приказанія каждый сталъ у своей лошади.

Задвигались лики и зашатались надъ головами коней и замерли на одномъ мѣстѣ.

Повели ушами лошади и болѣе нетерпѣливыя, злобно горя красивыми глазами, стучали копытами о побѣдѣвшую землю.

А снѣгъ все шелъ и шелъ и медленно таялъ на лошалахъ и разгораченныхъ лицахъ, приготовившихся къ смерти двухъ сотвъ людей...

О чемъ они думали эти рослые обвѣтренные зарубѣвшіе люди?

Лица ихъ были такъ серьезны-замкнуты и горды... Молча стояли они...

И только въ широко открытыхъ, загадочно блестящихъ глазахъ сквозила упорная рѣшимость, мрачная, холодная, какъ этотъ мартовскій весенній, безъ просвѣта день.

Перестрѣлка внезапно оборвалась.

— А-а-а,—неслись тысячи голосовъ изъ зары.

Что то стучало, звенѣло, охало...

Шелъ страшный, рукопашный бой... Русскіе штыки вихремъ сметали разстрѣленные, жалые остатки нѣмецкихъ колоннъ.

Между тѣмъ, внизу, въ халупѣ лихорадочно работала телефонъ.

— Что-о?—громко кричала съдой полковникъ. Атакка отбита? такъ, такъ! Офицеровъ надо?

— Понимаю, понимаю,—звѣвалъ онъ головой и бросилъ трубку.

— Господа,—быстро обернулся возбужденный полковникъ къ группѣ офицеровъ, стоявшихъ тутъ же. Наши блестяще отбили нѣмецкій свѣрбный натискъ и сейчасъ сами перейдутъ къ наступленію. Но много вышло изъ строя нѣхотныхъ офицеровъ, нужно немедленно пополнять.

— Сколько надо?—отрывисто спросилъ ротмистръ 6 эскадрона лейбъ-гусаръ И...

— Шесть,—отвѣтилъ полковникъ.

Все офицеры-кавалеристы, какъ одинъ, подошли къ полковнику, мягко звякнувъ шпорами.

— Мы готовы,—просто отвѣтили они.

Съдоусый полковникъ, взглянувъ на офицеровъ, горѣвшихъ неподдѣльнымъ желаніемъ положить жизнь за боевую славу и честь Россіи, расчувствовался и, желая скрыть слезы, пошупившія ему къ горлу, намѣренно сурово сказалъ:

— Нужно только шесть, которые и пойдутъ по жребію!

Быстро метнули жребій и шесть молодыхъ офицеровъ вышли впередъ и стали процѣлать.

— Господинъ полковникъ, голубчикъ, разрѣшите и мнѣ. Я пойду, я нуженъ тамъ,—робко съ мольбой въ голосѣ, обратился докторъ И.

Онъ весь дрожалъ отъ внутренняго страха, боясь отказа.

Полковникъ, понявъ его и печально улыбававшійся, махнулъ рукой:

— Идите!

Оковы... шла обшпенная ружейная и пулеметная стрельба. Люди черные, какъ сырая, прижала земля, подобно автоматамъ, неустанно шкали затворами, вкладывая пакки блестящихъ патроновъ и слали къ врагу миллионы пуль.

Докторъ И. лежалъ рядомъ съ штабъ-ротмис...

Англійскіе солдаты на базарѣ въ Амаоѣ, въ Месопотаміи.

Англійскія войска въ Месопотаміи находятся всего въ 30 километрахъ къ югу отъ Багдада. Месопотамскій походъ начался въ январѣ мѣсяцѣ, когда англичане завоевали Багру, лежащую у Персидскаго залива. Съ тѣхъ поръ операціи развивались очень медленно, но англійскія войска, подъ командой генерала Ньюсона, несмотря на рядъ неудачъ и на недостатокъ воды въ этой пустынной мѣстности, все время продолжали подвигаться впередъ. Судьбу Багдада можно считать рѣшенной, и не смотря на сопротивление, оказываемое турками, рано или поздно, англійскій флагъ взойдетъ надъ древнею столицей халифовъ. Исходъ войны несомнѣнно будетъ зависѣть отъ военныхъ дѣйствій, происходящихъ въ Европѣ, но

взятіе Багдада англичанами будетъ безусловно имѣть большое моральное значеніе, ибо съ Багдадомъ связаны воспоминанія о самыхъ блестящихъ дняхъ въ исторіи ислама. Было время, когда Багдадъ, столица арабскаго халифата, насчитывала болѣе 2-хъ миллионныхъ жителей, но послѣ паденія халифата Багдадъ обезлюдѣлъ и зачахъ. Багдадъ не разъ подвергался завоеванію со стороны монголовъ и турокъ, и поэтому отъ старинныхъ роскошныхъ зданий арабскаго періода въ настоящее время почти не осталось ни одного. Дворецъ Гарунъ-аль-Рашида, изображеніе котораго мы приводимъ, представляетъ изъ себя развалину, въ которой помѣщается турецкая таможня.

стремъ. Вѣрнѣе сказать и при началѣ съ недоумѣніемъ безсмысленно оглядывался по сторонамъ.

Вотъ она война.—очнулся онъ и сердце его испуганно замерло.

Стрѣльба оборвалась.

Какъ дуновѣніе вѣтра пронесся по окопамъ приказъ наступать.

Съ удивленіемъ докторъ замѣчалъ, какъ постепенно солдаты вылазили изъ окоповъ, молчаливые, покорные, одухотворенные и, какъ ему показались, важные.

Онъ хотѣлъ спросить Вѣрнѣе, что означаетъ это движеніе солдатъ, но того уже не было.

Докторъ поднялся и вдругъ понялъ все.

Изъ окоповъ отчетливо видны были перебегающіе цѣпи солдатъ по направленію къ трагически противника, откуда несли ураганный огонь.

Что то теплое подступило къ сердцу доктора и онъ, обложивъ свою шапку, выскочилъ изъ окоповъ и слился въ общей сѣрой массѣ.

Вокругъ него падали люди, кричали, стонали, ругались, но онъ цѣлѣй, неперемѣнный обжигал все время впередъ, размахивая шапкой.

Какъ раскатъ грома пронеслось объясняющее руками, замертво свалился Вѣрнѣе и это не удивило его...

— За мной!— звонко кричалъ докторъ и сѣрыя массы солдаты лавой слетовали за нимъ впередъ и спокойно.

Далеко вѣз перемѣшалось.

Какъ раскатъ грома пронеслось плавящее молнией «ура», и все ширилось и крѣпло.

Почему то пѣвцы бросали оружіе, подымали съ мольбой руки, что то кричали, выли, стонали... А онъ все обжигал впередъ, размахивая своею окровавленной шапкой.

И вдругъ, прозвонный пулей, онъ пасть.

II.

Это было въ расплѣтъ веселаго мая. День былъ на диво предестный. Синѣло бирюзовое чи-

стое небо, по которому кое гдѣ, чуть чуть клыблились шаловливые бѣлые барашки.

Море свѣта, весенняго, радостнаго, смѣющагося обливало дѣвственно прекрасную, дрожащую въ вѣтрѣ, пыльную землю.

Одуряющая, душистая теплота носилась въ воздухѣ.

Зелѣли сады и переулки. Бархатистый, ярко-зеленый коверъ устилалъ землю, пестря чудными ароматными полевыми цвѣтами.

Вдали синѣла рѣка Д... и у береговъ ея въ рукопашной схваткѣ мѣрялись силами наши и нѣмецкіе кавалеристы.

Издали битва казалась игрой дѣтей и хотѣлось смѣяться, глядя на забавныя кувырки людей и лошадей.

Трещали пики, звенѣла сталь сабельныхъ ударовъ, злобно хрипѣли лошади, визжали и кричали люди.

Баварскіе лейбъ-улансы защищались быстрой, уперто, сознавая безпомощность свою.

Со всѣхъ сторонъ давила ихъ щетина русскихъ сверкающихъ пики, свистѣли испытанныя златосковскія шапки, оббивая у нихъ головы, руки съ плечами, сплющивая каски и черепа.

Силачъ докторъ N, невдалекѣ отъ боя стоявшій у своей двуколки, напряженно слѣдилъ за бойней чертовъ.

Безсознательно онъ размахивалъ руками, невольно кричалъ: «сраво, браво, такъ ихъ, такъ», изрѣдка заливался хохотомъ, видя какъ какой либо тучный баварецъ безъ головы мѣшикомъ валится на землю.

И вдругъ стихійный порывъ подхватилъ его. Быстро вскочивъ на свою лошадь, онъ съ блѣстѣйшей на солнцѣ обожженной шапкой, громко хохоча, врубился въ массу еще успѣвшихъ баварцевъ.

Какъ слоны валились баварцы отъ ударовъ ужаснаго, смѣющагося, страшнаго русскаго доктора.

Нѣкоторые въ паническомъ страхѣ бросались обжигать, за ними съ пиками на переулѣ погна-

лись наши кавалеристы, нѣкоторые побросали сабли и жалобно кричали, но докторъ все смѣялся на своемъ пути.

Онъ былъ сама смерть, довольная, гордо зло-разная, ядовито насмѣшливая.

Г. И. Портанскій.

Англійскій солдатъ, его привязанности къ дому.

Очеркъ Иен. Фейръ.

Весь цѣвъ англійской молодежи въ настоящее время сражается на поляхъ Бельгіи и северной Франціи. Скорбитъ и горюетъ о дорогихъ ушедшихъ вся родная страна. «Эта война не похожа на прежнія войны» сказалъ первый министръ въ своей рѣчи къ рабочимъ: «не наемныя войска сражаются теперь за нашу родину: весь народъ, все сословія и профессіи призваны принять въ ней участіе. Никогда еще наша армія не достигала такихъ размѣровъ. Нѣтъ почти въ Англии дома, который не послалъ бы на войну, кого нибудь изъ своихъ членовъ». Это не только борьба армій, но и борьба промышленности: никогда еще дымныя фабрики и заводы не имѣли такого рѣшающаго значенія въ военномъ дѣлѣ, и поля битвъ не засыпались такимъ дождемъ снарядовъ, какъ въ нынѣшнюю войну.

Даже женщины призваны къ дѣлу военной обороны: тысячи ихъ работаютъ на заводахъ для выдѣлки снарядовъ или замѣняютъ ушедшихъ на войну мужчинъ, исполняя обязанности кондукторовъ, шоферовъ, почтальоновъ, и т. д. Понадобились респираторы для защиты нашихъ воиновъ отъ дѣйствія удавливающихъ газовъ: женщины взяли за это дѣло, и въ 36 часъ, вся наша армія была снабжена ими. Весеннее необходимое солдату, начиная съ теплой одежды и кончая перьями и газетами, тысячами посылокъ отправляется на фронтъ. Какая то лѣда, потерявъ своего жениха на поляхъ Франціи, въ память его послала въ армію подарокъ съ адресомъ: «одному и забытому». Волею судьбы въ посылку попался одинъ шотландецъ, совершенно безродный, который, навѣрно, никогда въ жизни не получалъ ни отъ кого даже простой открытки. Когда его позвали получить посылку, онъ подумалъ, что товарищи смѣются надъ нимъ, и не хотѣлъ идти. Едва убѣдили его. «Ну, такъ и быть, сыграю дурака разъ въ жизни!» рѣшился онъ, наконецъ. И каково было его изумленіе, когда ему дѣйствительно вручили объемистый ящикъ, въ которомъ было все, положительное, все, могущее скрасить тяжелое пребываніе въ траншеяхъ. Не забыта была даже безопасная бритва и сласти. Въ посылкѣ было положено письмо, начинавшееся словами: «Дорогой одинокій солдатикъ!». Горячія непритворныя слезы потекли по лицу суроваго шотландца: «Ну развеселись. Джимми!» ободряли его товарищи: «теперь у тебя недостаетъ только ходулъ, чтобы ходить по здышней грязи, да ложекъ, чтобы есть въ нашихъ окопахъ!»

Одному солдату пришла въ голову мысль печатно попроситъ о присылкѣ ему на фронтъ газетъ. Черезъ три дня на его имя было получено 99 большихъ и маленькихъ посылокъ и 3000 писемъ. «Если бы другіе вздумали послать его примѣру», замѣтилъ начальникъ почты: «пришлось бы измѣнить всю нашу почтовую систему».

Въ настоящее время на французскій фронтъ пересылается до 100.000 писемъ и 50.000 па-

Наблюдательный постъ.

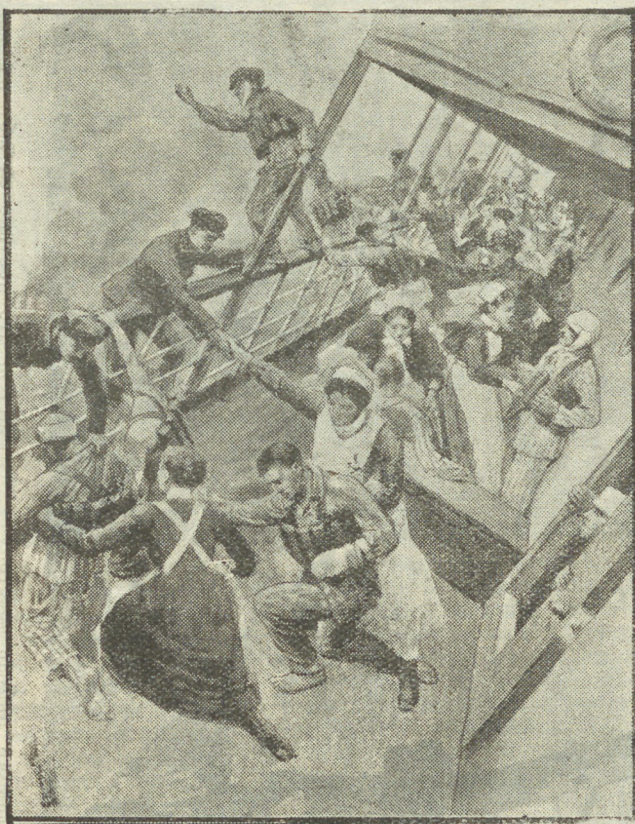
Средн-многообразныхъ и трудныхъ, обязан-
ностей доидана на войнѣ чуть ли не самой
брушней и опасной является служба на наблю-
дательномъ посту. Задача наблюдателя на-
мучна заключается въ томъ, чтобы руководить
артиллерійскимъ огнемъ, направляя его на са-
мые чувствительные пункты неприятельской
позиции. Артиллерійскій обстрѣлъ производится
тогда, когда дѣлается не непосредственно, т. е.
старше выпуска: летя вверхъ и, опускаясь въ
воздухъ, образуетъ кривую, падаетъ внизъ,
падая отъ своей исходной точки. Въ настоя-

щую войну применяются орудия, стрѣляющія
даже на разстояніе почти въ 10 километровъ.
При такомъ разстояніи артиллеристы не ви-
дятъ цѣли, но вострой они стрѣляютъ, арестъ
того, цѣль эта часто бываетъ скрыта холмами
или горными хребтами. И вотъ для руковод-
ства стрѣльбой выселяются впередъ наблюде-
тельные посты. Посты эти устраиваются на
колочныхъ, мельницахъ, высяхъ, деревъ-
яхъ, откуда открывается видъ на всю окрест-
ность, а если подобныхъ зданій или вышекъ
не имѣется, то наблюдателямъ приходится за-

сто помѣяться въ какомъ нибудь крестьян-
скомъ домѣ, въ непосредственной близости не-
приятеля. Наблюдательный постъ находится по-
средствомъ телефона въ общеніи съ батареей,
которая и направляетъ орудия согласно указаніямъ
наблюдателей. Разумѣется, врагъ всѣми си-
лами старается выслѣдить мѣста расположе-
нія такихъ постовъ, направляя самый жестоко-
твенный огонь на всѣ подзорные вышки въ этомъ
отнашеніи постройки. Достаточно впродолженіи
разрушить телефонные провода, чтобы наблю-
дательный постъ былъ обезвреженъ. Часто

случается, что несущіе службу на наблюде-
тельномъ посту, остаются по цѣлымъ недѣ-
лямъ отрубанными, если не считать телефо-
на совершенно отъ всего міра, такъ какъ высыл-
ку имъ на смѣну товарищи сдѣлать за тру-
дами падаютъ жертвой неприятельскаго огня.
не дойдя до мѣста расположенія поста. Часто
наблюдателямъ приходится неделями оста-
ваться ночли въ полной неподвижности, чтобы
неосторожнымъ движеніемъ не привлечь къ
себѣ вниманія неприятеля.

Драма на морѣ.

Гибель парохода-лазарета «Англия». Раненых спасают в первую голову. 17 ноября пароходъ «Англия», перевозившій раненыхъ воиновъ изъ Франціи въ Англію, наткнулся въ Ла-Маншѣ на мину. Корабль немедленно же началъ погружаться. Во время спасенія сестры милосердія проявили большое мужество и са-

моотверженіе, по словамъ всѣхъ спасшихся. Такъ, онѣ отказывались садиться въ спасательныя лодки, заботясь о томъ, чтобы туда были перенесены всѣ раненые. Сами же онѣ остались на тонущемъ пароходѣ, и многія изъ нихъ погибли. Всего погибло при этомъ 85 человекъ.

сылать ежедневно. А флотъ получаетъ 4.500.000 писемъ и 45.000 посылокъ въ недѣлю. А какого огромнаго труда стоитъ пересылка и доставка этихъ писемъ! Подводныя лодки, мины, огонь шрапнели, непролазная грязь—все это должны преодолѣть люди, о подвигахъ которыхъ такъ мало мы знаемъ!

«Вчера» пишетъ одинъ капитанъ королевскихъ стрѣлковъ: «ваше письмо везли при полномъ свѣтѣ неприятельскаго прожектора. Нѣмцы увидели почту и начали стрѣлять. Пришлось спуститься въ окопы, а они на 5 фут. полны ледяной водой и грязью. Когда я получилъ письмо посылку, пришлось догадываться о предметѣ вконецъ консервовъ и самому выдумать явные родныя слова, что тутъ были написаны».

Но Боже! съ какимъ нетерпѣніемъ ждутъ почты на фронтѣ. Вѣсти съ родины поддерживаютъ духъ солдата, напоминаютъ имъ, что съ ними вся Британія. Родина заботится о ихъ женахъ и дѣтяхъ, по королевски ухаживаетъ за больными и ранеными, предоставляя имъ лучшія помѣщенія въ городахъ и деревняхъ и всѣ удобства, какія только можетъ выдумать самая пѣжная забота.

И мысли о родинѣ, о домѣ наполняютъ душу солдата. Рѣдко говоритъ онъ о войнѣ. Прошедшая жизнь, семья—вотъ обычныя темы ихъ разговоровъ. Стѣны окоповъ покрыты портретами близкихъ, эти же портреты хранятся на груди. Нерѣдко хранятся пучки цвѣтовъ, напоминающие родной садикъ обсаженный мальзанами или другими незатѣйливыми цвѣтами. На войнѣ собираются сувениры: германскіе патрончики, пули т. под., чтобы по окончаніи войны отвезти все это домой. Домой, дома, англійскій «home»—въ сердцахъ и мысляхъ солдатъ. «Я видѣлъ смерть одного сапера» рассказываетъ одинъ хирургъ: «лежа на смертномъ одрѣ, онъ не переставая вспоминалъ свою деревню, свою

жену. Онъ служилъ стрѣлочникомъ на желѣзной дорогѣ. «Послѣдній поѣздъ проходилъ у насъ ночью—говорилъ онъ: «ужинать приходилось поздно и все же Су (его жена) всегда подавала горячій ужинъ. Когда была непогожая холодная ночь, она сама приходила за мною! Дорогая Су!» и лицо его озарилось слабой улыбкой. Забылъ онъ войну со всѣми ея ужасами, не слышалъ рева отдаленныхъ пушекъ, ни стоны раненыхъ, одинъ лишь голосъ, голосъ его жены звучалъ въ его ушахъ въ его послѣдній часъ!»

Одинъ нашъ поэтъ солдатъ, Максъ Плаумонъ, въ своей солдатской пѣснѣ говоритъ устами молодого воина: «По окончаніи войны я поселюсь въ уединенномъ мѣстѣ, чтобы зажили раны моего сердца, чтобы утихла боль въ моемъ мозгу... Я буду тихъ, грѣться на солнышкѣ».

«Мы всѣ тоскуемъ по дому» говорилъ мнѣ одинъ новобранецъ: «есть у меня товарищъ, съ которымъ мы проводили дни и ночи въ окопахъ, постоянно вмѣстѣ и ни слова почти не слышалъ, я отъ него за все время. О чемъ ты думаешь?» спросилъ я его однажды. Онъ наклонился къ земле, чтобы я не могъ видѣть его лица и едва слышно сказалъ: «я отдалъ бы... охотно мою жизнь, если бы хоть на полчаса побывать дома и послушать, какъ орутъ мои ребятишки!» Нѣсколько времени спустя онъ умеръ, отмороживъ себя ноги въ окопахъ и, умирая, онъ безъ конца просилъ перечитывать ему письма изъ дому. Его послѣдняя просьба была послать женѣ извѣстіе о его смерти. «Я съ тобой, каждую минуту съ тобой» пишетъ женѣ еще другой молодой солдатъ: «я прочелъ всѣ объявленія въ прилагаемой тобою газетѣ и старался представить себя, какъ ты ходишь по улицѣ, въ какіе заходишь магазины, куда возьмешь нашихъ мальчюковъ».

Чтобы хоть нѣсколько заглушить эту то-

ску по родинѣ, по родному дому, на фронтѣ устроили «home», мѣсто отдохновенія для легко больныхъ и раненыхъ, для уставшихъ нервами и душой. Въ фабрику со стеклянной крышей устроено комфортабельное помѣщеніе съ удобными креслами, книгами, музыкой, теплыми ваннами, всевозможными медицинскими приспособленіями и даже развлечениями въ родѣ спектаклей и спорта. Сюда присылаютъ на время съ фронта отдохнуть, погладиться, переодѣваются съ ногъ до головы во все новое и обновленнымъ честью возвращаютъ на фронтъ.

«Будьте, какъ дома!» приглашаетъ насъ офицеръ—французъ, устроивъ у себя въ траншеѣ пѣтуе вродѣ soirée dansante подъ звуки германскихъ пушекъ вмѣсто оркестра. И французы искренно удивляются нашей способности сзавать домашній уютъ даже въ траншеяхъ. Изъ куска дерева, нѣсколькихъ ящикочъ и соломы устраивается прекрасный диванъ, по землянымъ стѣнамъ развѣшиваются картины, изображающія какія нибудь семейныя сценки, разводятся огни, являются на сцену гитара, флейта, можно даже по телефону слушать оперы исполненныя грамофономъ, подается незатѣйливый ужинъ, вино, кофе... А вокругъ, вокругъ разрывныя пули, ужасныя раны и страданія, зрѣлище, колеблющее разумъ, цѣлый адъ разрушенія и скорби! Города исчезаютъ съ лица земли, люди превращаются въ безформенную массу, весь этотъ ужасъ и страхъ передъ этимъ ужасомъ, часы, дни, мѣсяцы ожиданія... Что же удивительнаго, что люди, живя среди всего этого, стараются забыть не думать, отдохнуть... Мечтаютъ о родныхъ лужайкахъ залитыхъ солнцемъ съ играющими на нихъ дѣтьми. Пусть солдаты устраиваютъ игры, занимаются музыкой, спортомъ: если благодаря этому, они хоть на минуту чувствуютъ себя дома, цѣль достигнута. Отдохнувъ душой, съ новой энергіей они несутъ свой тяжелый долгъ!

Постоянная мысль о домѣ, о родной семьѣ заставляетъ ихъ сочувственно относиться къ чужимъ странѣ, къ чужимъ семьямъ. Нерѣдко гостинцы, получаемые изъ дома, англійскій солдатъ отдаетъ мѣстнымъ жителямъ, какимъ нибудь несчастнымъ, продающимъ ютиться въ родномъ гнѣздѣ, разрушенномъ и опустошенномъ войной. Дѣтя, старики, женщины—все население Франціи относится съ симпатіей и уваженіемъ къ англійскому солдату, видя въ немъ джентльмена и брата, вѣрнаго союзника въ великой европейской войнѣ!

Пер. съ англ. С. Т.

